

«РОССИЯ ПОЛЮБИЛА СПАТЬ С ТИРАНАМИ»

Тимур Зулфикаров — поэт, прозаик, драматург, автор сценариев двенадцати фильмов, некогда довольно популярных, — «Белый рояль», «Человек идет за птицами», «Миражи любви» и др. В советское время Зулфикаров выпустил десять книг, в 93-м получил престижную английскую премию «КОЛЛЕТС» — «За лучший европейский роман года», тогда же в литературных кругах поговаривали о возможном выдвижении Зулфикарова на Нобелевскую премию. Но выдвижения не произошло. А вышло вот что: ни одной книги за семь лет, редкие вечера в узком кругу, а в одном из новогодних опросов «КО» Зулфикаров попал одновременно и в число лучших авторов года, и в число худших. Одни считают Зулфикарова гением, другие — низвергают его до самых низов литературного сообщества.

— Тимур Касимович, было время, когда ваши книги выходили регулярно. И вдруг — как отрезало. В журналах вы печтаетесь по-прежнему, но конкуренции на новом, не социалистическом, а буржуазном книжном рынке вы явно не выдержали. Почему?

— Хочу сказать с полной ответственностью, что мои произведения не имеют никакого отношения к нынешним издательствам, к книжному рынку. Книгоиздание сейчас переживает свой эский ренессанс, я бы назвал его шикарным цветением, но не в райском, а именно в адском саду.

— Однако на книжном рынке, как и на любом другом, спрос рождает предложение.

— Да. Мы робеем перед читателем, снимаем перед ним шляпу, но читатель и сам развратился, впал в искушение. Читатель тоже виноват, что писатели стали писать чернуху и так далее.

— Почему же деградировал читатель? Что с ним случилось? Люди-то все те же.

— Это так естественно. Как говорили древние, человек двадцать три часа общается с дьяволом и только один час с Богом. Я думаю, что скоро и этот час благополучно исчезнет.

— То есть вы потеряли читателя «в покое»?

— Мои произведения принадлежат, как мне кажется, вечному читателю. У меня даже есть такое изречение: «Для кого ты пишешь, о одинокий поэт? Я пишу для тех, кто давным-давно помер, и для тех, кто не скоро — не скоро родится». И еще: «Самые великие книги и самые убогие книги одинаково никому не нужны». Более того — великая литература не только не для рынка, она даже и не для читателя. Меня, например, всегда охватывает радостное удивление, когда я встречаю своего читателя. Хотя на самом деле количество моих читателей совсем не мало. Просто моя литература — это Эверест. А Эверест не для того, чтобы на нем устраивали пикники. Это все-таки смертельно опасное предприятие — поход на Эверест.

— Издатель — это тот же читатель. Нельзя ли вопрос «где ваш читатель?» без потери смысла заменить вопросом «где ваш издатель?».

— Мое равнодушие к рынку пропорционально равнодушию ко мне издателей. Когда-то давно я вычитал, что у нас в стране семь тысяч издательств. И это наполнило мою одинокую душу невероятным счастьем. Представляете, семь тысяч издателей! Но рядом с этой великодепной мыслью во мне поселилась другая, печальная. — из этих семи тысяч никто не клюнул на мою одинокую литерату-

ру. Но не могут же все семь тысяч ослепнуть! Тогда мне пришла в голову мысль, что я графоман. Правда, ей вдогонку тут же пришла другая мысль: если бы я был графоманом, все семь тысяч были бы у моих ног — ведь издается как раз в основном графомания.

— Позвольте с вами не согласиться: не только графомания!

— Позволяю. Вот господин Фишер был немецким мебельным королем, но сказал: «Я найду писателей, которые составят будущее немецкой словесности». И вот он-то и оказался великим издателем нашел и поддержал Кафку, Музила, братьев Маннов. Если бы сейчас у нас в стране был хоть один такой мебельный король!

— Как сценарист вы были очень известны в мире кино, а вот ваша литературная судьба драматична. Вы писали в стол, ваша первая книга вышла, когда вам было за сорок. И ваша известность не пустила глубоких корней. Вы были признаны за рубежом, а теперь — почти глухая безвестность. Обидно?

— Конечно, я тоже живое существо, и я бы тоже хотел, чтобы мои книги выходили, чтобы их читали, чтобы они получали какие-то премии, но госпожа Слава всегда была очень прихотливой дамой, а нынче она стала непотребной девкой. Она ночует и днюет сейчас черт знает с кем. Поэтому, если бы однажды в мою дверь она и постучалась, я бы ее не пустил. Да и среди всеобщей нищеты, утlosti, всерусской беды жаловаться на то, что в твой дом шикарная госпожа Слава не спешит, — это слишком большая роскошь. Мне бы хотелось, чтобы моя книга уединенно где-то стояла и взывала к своему немногочисленному читателю.

— Как гора, которая «не идет к Магомету».

— Да. Одна литературная дама сказала мне: «После того, как умер Борхес и исписался Маркес, мировая сцена пуста, и наступило время ваших сочинений». Странно полное неучастие моих книг в иерархии русской и мировой литературы. Но какие-то силы не пускают еще мои произведения на мировую сцену.

— Что же это за силы?

— Просто Господь не хочет, чтобы госпожа Слава взяла мои произведения в руки. Я далек от черных подозрений, что кто-то специально опускает шлагбаум перед моими караванами — просто не пришел их срок. Хотя, например, тех же Борхеса и Маркеса я считаю гораздо более сложными, недоступными писателями, чем я.

— К какому литературному направлению вы себя относите?

— Я себя считаю глубоко архаическим модернистом.

— Горный ландшафт не должен состоять из одних Эверестов. Как бы вы охарактеризовали эту холмистую местность — современный литературный процесс?

— Современный литературный процесс весьма пылкий, весьма разнообразный, весьма напоминающий наши шикарные магазины, в которых, правда, почти никого нет. Великое изобилие товаров — но трудящихся там нет, заходят иногда несколько богатых. Так и читатель не забредает в постмодернистские кущи, кроме нескольких холодных теоретиков и эстетов.

— Неужели никаких имен?

— В иерархии писательства за последние годы ничего не произошло. Остались наши несколько полинявшие, несколько впавшие в уныние классики — это Солженицын, Распутин, Личутин, Носов, Лихоносов, Белов, Юрий Кузнецов, Аксенов, Ахмадулина. Выдающийся и почти никому не известный поэт Михаил Еремин. Анатолий Афанасьев. Единственный, на мой взгляд, писатель, который от юмористической литературы вышел к большой сатире, — Юрий Поляков. Так что я думаю, что прежняя «бригада» и останется в русской литературе.

— Никого из молодых вы не назвали.

— Из молодых мне очень нравится Вячеслав Дегтев, острый, нервный, чувствующий гибельность нашего времени новеллист. Это летописец нашего «Титаника». Отрошенко весьма интересен, такой постнабоковский писатель.

— Совсем недавно вышла ваша книга в издательстве «Московский писатель». Насколько я знаю, выпущена она на деньги спонсора. Тираж ее — две тысячи — кажется мне весьма скромным. Что входит в книгу?

— В нее входят мои сочинения последних семи лет, кстати, почти все они были опубликованы в журналах. У нее длинное название «Алый цыган! Малиновый конь! Золотая Русь! Умирающий поэт! Прощайте...», она составлена из произведений, посвященных последним десяти годам жизни нашей страны, — когда на вокзалах прощаются уже не только люди, а прощаются целые народы. Время разлуки народов, которые были кровно связаны друг с другом. Вот у меня мать русская, а отец таджик. Поэтому что же я — должен внутри себя разлучиться-разъединиться-раздвоиться? Нашу страну охватило кочевье, беженство — страшный знак беды.

— Из ваших слов следует, что в последней книге вы высту-

пили как публицист. Но это не так. Вы не изменили своей поэтике.

— Литература не должна быть слишком заполонена страданиями — все-таки литература не мусорный ящик, где вся грязь мира. Может быть, мои вещи тоже оказались перегруженными страданиями, но в той мере, в которой наша действительность ими перегружена. У меня есть такие страшные персонажи — Кони Апокалипсиса. Они поскачут в мир из самых диких, страшных, безумных русских трав. Такое эсхатологическое апокалиптическое ощущение стало проникать в мою поэзию.

— Не могу понять, что производит на вас большее впечатление — сегодняшняя действительность или пророчества «Апокалипсиса». Вы политик или визионер?

— Сейчас это одно и то же. Когда горят леса, вспугивая президента, — может быть, только это заставляет его перемещаться по стране, когда идет саранча, когда свирепствует какой-то странный вирус, — начинают вспоминаться эти строчки — «и мор и глад». В «Горькой беседе двух мудрецов-златоустов в диких травах» один из этих моих старцев говорит, что когда молчат люди, когда они боятся открыть рот, тогда Господь говорит — через чуму, через сифилис, через наводнения, через ураганы, через лесные пожары.

— И как вам видится современная история государства Российского? Кроме как к Апокалипсису — куда она идет, на ваш взгляд?

— Русская история сейчас установилась. Как сказал Ходжа Насреддин, «в странах диктатуры, тирании, а у нас, — сказал опять же Ходжа Насреддин, — дряхлая диктатура, — часы ходят только на дрожащей руке, убогой трясущейся руке тирана. Все остальные часы — увы! — в том числе и наши с вами — стоят». Как сказал Ходжа Насреддин, Россия полюбила спать с тиранами. Сонная русская история просыпается, только когда тиран умирает, — до появления и укрепления нового тирана. А

потом она опять впадает в сладострастный сон уничтожения. Тираж даже в самом карикатурном виде перегораживает течение реки русской истории. И я всегда цитирую свою притчу «Ходжа Насреддин и власть»: «В одном кишлаке протекал прозрачный хрустальный арык. Вдруг он стал мутным, тухлым, вонючим. Собрались жители кишлака и говорят: «О великий Ходжа Насреддин! Что случилось?» Он говорит: «Пойдемте к верховьям реки». Пришли — там дохлый осел лежит. Ходжа Насреддин сказал: «Видите, мои дорогие земляки, у нас три выхода: можно взять и выкинуть этого дохлого осла, но он наполнен смертным трупным ядом, мухами — можно заразиться; можно уехать из этого кишлака в другие светлые края — Америка, Запад, а можно потерпеть, подождать, пока вода унесет, размоет осла и вновь станет хрустальной... Но бегут времена, мы стареем, глупеем, лысеем, страдаем, а вода по-прежнему тухлая и унылая... Боюсь, что мы выбрали третий путь, — сказал Ходжа Насреддин. — О, ослиные воды, о, ослиные народы, о, ослиные времена, но зачем сдаться вам?»

Я, как человек либеральный, категорически не согласен со своим героем Ходжей Насреддином, и, видимо, дело идет к разрыву — мы перестанем общаться. Я же его встретил в таджикских горах, где он спал под цветущей алычой. Я его разбудил, и он сказал: «Я уже сплю давно, потому что летаргия — это единственный способ борьбы с тиранией. Я переспал Ленина, я переспал Сталина, я переспал Брежнева, я пересплю и Горбачева с Ельциным. Но раз ты пришел, я с тобой хочу поговорить». Вот все, что он наговорил, я был вынужден записать. Но меня это наполняет крайним возмущением. Я выступаю в ныне популярном жанре доноса на великого Ходжу Насреддина, но меня утешает то, что он бессмертен, а я, увы, нет.

Беседовала
Надежда ГОРЛОВА